

УДК 314/316

DOI: 10.17223/1998863X/59/10

Л.А. Пашина

КОНСТИТУИРОВАНИЕ ГЕРОНТОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ЗНАНИЯ И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается становление научного интереса к исследованию языкового опосредования феномена старения. Анализируются причины востребованности геронтолингвистического знания, приводятся доводы, обосновывающие его актуальность. Описываются основные направления исследования связи языка и процесса старения, а также существующие интерпретации термина «геронтолингвистика». Демонстрируется тот факт, что геронтолингвистика становится междисциплинарной областью, аккумулирующей усилия всего корпуса геронтологического знания. Ключевые слова: геронтолингвистика, старение, геронтология, языковое старение, языковое здоровье пожилых людей, благополучие языковой жизни пожилых людей.

Массовое постарение населения является актуальной проблемой современности, требующей полноценного осмысления и нахождения путей ее преодоления. Этот вызов времени может стать как неразрешимой трудностью в развитии общества, так и новой возможностью в его эволюционировании. Одним из конструктивных ресурсов для преодоления наличных обстоятельств видится формирование единого геронтологического знания, которое, с одной стороны, может послужить основой для построения эффективной государственной политики в отношении пожилых людей, а с другой – может способствовать созданию комплексной системы управления процессом старения. На современном этапе развития научного знания эта возможность во многом еще не была реализована в силу различных факторов, например таких, как разобщенность наук, исследующих старение, также по причине многомерности феномена старения и разной степени изученности его сторон (биологической, хронологической, психологической, социальной, лингвистической), вследствие осознания реляционной природы социальной и психологической сторон процесса старения, а также некоторых других причин [1].

Первые попытки научного осмысления проблемы старения относятся к концу XIX в., когда пионерами геронтологического знания стали биология и медицина, надолго утвердившие естественнонаучный взгляд на рассмотрение природы этого феномена. Позднее в рамках биодетерминистского подхода началось изучение когнитивных нарушений при физиологическом старении организма человека. Именно тогда язык впервые оказался в поле интереса геронтологического знания: с его помощью производилось описание языковых нарушений при нейродегенеративных заболеваниях, сопровождающих процесс старения.

Начиная с 1940-х гг. в Америке и с конца 1950-х гг. в Европе активность разработки этой области знания во многом явилась реализацией государственных императивов в областях социальной политики, экономики, здравоохранения и образования, работавших на опережение в вопросах разрешения

проблемы нарождающегося демографического кризиса в условиях перехода к стареющему обществу. С целью системного осмысления феномена старения была предпринята попытка конституирования геронтологии в качестве широкой дисциплинарной парадигмы, которая на начальном этапе включила в себя все знание естественных наук о процессе старения. Ранняя геронтология транслировала дефицитарные представления о старости, акцентируя внимание лишь на том факте, что неотъемлемым атрибутом последнего жизненного этапа является снижение физиологических и когнитивных возможностей человеческого организма, чем поддерживалось однозначно пессимистическое отношение к этому этапу жизни.

Позднее в рамках расширения компетенции геронтологии были созданы первые профессиональные геронтологические организации, одной из ведущих задач которых явились разработка многоаспектного исследования проблемы старения, поиск альтернативных естественнонаучному геронтологическим подходов. В результате осмысление проблемы старения получило широкое научное освещение, оказавшись в фокусе интереса многих дисциплин, например таких, как социология, политология, экономика, социальная демография, психология, педагогика, культурология, антропология, этнография, философия и др. Постепенное усложнение понимания природы феномена старения дало возможность создания конкурентной парадигмы взглядов – начала формироваться система идей, раскрывающая возможности «активного», «успешного», «здорового», «продуктивного» старения [2–7]. Также важными открытиями на пути исследования процесса старения стали артикулирование его социально-конструктивистской природы, а также осознание широких возможностей, возникающих при изучении его лингвистической стороны, ведь именно эффективная коммуникация во многом определяет благополучие и качество жизни человека, его здоровье.

Если попытаться соотнести степень изученности различных сторон процесса старения, то окажется, что именно его лингвистическая сторона долго не становилась предметом системного исследования. При этом анализ геронтологической проблематики часто проводился в том числе и с помощью наблюдений за языком, но подобный интерес к языку можно было бы назвать инструментальным. В первые десятилетия развития геронтологического знания еще не возникало осознания того, что язык – это эффективный инструмент, раскрывающий многие стороны природы старения, что результаты анализа связи языка и процесса старения имеют высокий эвристический потенциал в области исследования и решения многих проблем, связанных со старением.

За последние три десятилетия многие науки, исследующие старение, обратились к внимательному изучению его языкового измерения, пытаясь глубже понять взаимосвязи между языком и старением, языком и здоровьем, языком и различными контекстами его употребления, языком и его пожилыми носителями. Сформировалось множество геронтолингвистических направлений, акценты которых очень разнообразны. Основными векторами исследований связи языка и процесса старения можно назвать следующие:

1) анализ взаимосвязи процесса старения и языка посредством фиксации и описания нарушений / изменений коммуникативных и когнитивных спо-

собностей, сопровождающих старение (М.Л. Альберт, К.А. Бейлз, Д. Берк, Х.Е. Гамильтон, А.В. Кажиняк, Л.К. Облер, Е. Райан, Х.К. Улатовска);

2) изучение лексики, описывающей феномены, связанные со старением, а также паралингвистических коррелятов старения (И.С. Блинова, К.А. Бурнаева, Т.С. Валиева, К.А. Власова, Л. Гебхарт, Т. Камата, С. Кемпер, Д. Кинетт, Н.В. Крючкова, Л.Б. Никитина, Л.А. Рэмиг, Х. Хэлфриш);

3) исследование последствий влияния на язык и языковую коммуникацию глобального постарения населения; в рамках этих исследований рассматриваются такие вопросы, как «старение языков» (их трансформация), изменение языковых форм и норм, изменение особенностей межпоколенческой коммуникации, снижение скорости языковых изменений, феминизация старости; язык анализируется с точки зрения лексических, семантических, синтаксических, прагматических изменений в ходе старения его носителей (П. Бакхаус, Ф. Инуэ, Н. Н. Лантюхова, Д. Эйчисон);

4) исследование речевого регистра, традиционно используемого в общении с пожилыми людьми (в англоязычной литературе это понятие номинируется как *elderspeak*, *infantilizing talk*, *patronizing talk*, *problematic intergenerational communication*, *secondary babytalk*; в российской науке это явление обозначается с помощью таких терминов, как геронтное общение, старческая речь, речь пожилых людей (людей старшего поколения), язык старости, инфантильная речь, вторичный детский лепет): описание его отличительных черт, характерных для него дискурсивных конструкций, анализ причин и последствий их использования (А.Р. Бауэр, Д. Билби, Д. Боден, Л. Вудс, Х. Джайлз, Б. Грин, Е. Райан, Дж. Каупланд, Н. Каупланд, С. Кемпер, Р. Крогер, Й. Мацумото, А.М. Уилльямс, Дж.М. Уиманн, Т. Харден, К. Хенвуд);

5) исследование стереотипов, описывающих старение, таксономия их видов, причин формирования, последствий актуализации, а также анализ результатов воздействия подобных стереотипов на пожилых людей, изучение влияния стереотипов на здоровье в течение позднего периода жизни, изучение феномена самостереотипизирования, формулирование теорий, объясняющих причины актуализации возрастных стереотипов, определяющих особенности протекания процесса старения (Д.Л. Боннесен, Х. Джайлз, Т. Гартска, Дж. Каупланд, Н. Каупланд, Б. Леви, Б. Мейснер, Ж. Мотнер, Э.Б. Райан, М.Л. Хаммерт, К. Хенвуд);

6) исследование особенностей стереотипического изображения пожилых людей в СМИ, в художественной литературе, в рутинной речи (И.А. Бельцова, Л. Берман, Л. Гебхарт, Й.Б. Жанг, И.В. Карапетян, В. Иланн-МакИвэн, Д.Ф. Нассбаум, Д.Д. Робинсон, А. Рой, И.В. Салимьянова, Т. Скилл, И. Собковска-Эшкрофт, К. Тимм, Э. Уилльямс, Д. Харвуд, Н. Шираиши, Е.В. Шляхтина); анализ влияния просмотра ТВ на языковую деятельность пожилых людей (Н.А. Линдстром, В. Иленне, Э. Уилльямс, Д. Харвуд);

7) исследование дискурсивного измерения старения как транслятора социальных норм и практик пожилого возраста, где характеристики дискурса рассматриваются как параметры качества институциональной среды и отношений, которые в ней обсуждаются (К. Грейнджер, У. Гудикунст, М.Э. Елютина, С. Макони, Й. Мацумото, Дж. Нассбаум, Дж.М. Уиманн, Т. Хамагучи, М.Л. Хаммерт, Э.Е. Чеканова);

8) исследование связи культуры, коммуникации и старения, особенно-стей формирования идентичности в пожилом возрасте, отражаемой в использовании языка и создаваемой им (Х. Джайлз, В. Иланн-МакИвэн, Дж. Каупленд, Н. Каупланд, С. Кемпер, Н. Кинг, М. Кэлнен, А. Кэмерон, Л. Ллойд, М. Макнамара, Х. Ота, Л. Печчиони, Дж. Сеймур, Р. Смит, Л. Спаркс, Д. Твигг, М.Р. Трисси, Дж.М. Уиманн, Д. Фили, Ч.-Х. Чен);

9) исследование дискурса противоборства со сложившимися возрастными стереотипами, анализ темы возрастной дискриминации, эйджизма (П. Баххаус, Х. Гайлз, Й. Йошика, Т. Каласанти, Н. Каупланд, Д. Каупланд, Ф. Ньюселл, Д. Печчеи, Э. Соренсен, Э. Ферхерст, М. Усами);

10) исследование связи старения, коммуникации и гендерной проблематики (К. Андерсон, С. Вествуд, Д. Жермин, Л.Х. Кларк, А. Коротченко, М. Крукшанк, Й. Мацумото, С. Соден, Д. Твигг, Дж. Холмс, С. Холмс, Л.Р. Хэтч).

Если попытаться увидеть наиболее общие интенции в исследовании связи старения и языка, то перед нами предстанут две магистральные области интереса: первая анализирует связи языка, процесса старения и здоровья, вторая направлена на раскрытие социально-конструктивистской природы языка.

Рассмотрение даже вышеперечисленных направлений исследования процесса старения в его опосредовании языком указывает на то, что изучение лингвистического измерения старения обладает феноменально высоким эвристическим и практическим потенциалом. Попробуем сформулировать основные причины актуальности изучения лингвистической стороны процесса старения.

Во-первых, язык является эффективным инструментом диагностирования возрастных нейродегенеративных заболеваний, а также адекватным инструментом описания языковых и коммуникативных особенностей, проявляющихся при подобных расстройствах. Так, в мировой медицине для диагностирования некоторых нейродегенеративных заболеваний, для измерения языковых изменений в процессе старения, сопровождаемого деменцией, получили широкое применение шкалы-опросники MoCA и DKAS.

Во-вторых, признана высокая роль адаптирующей коммуникации в повышении качества жизни, в том числе и пожилых людей. Языковая адаптация может иметь различные цели: может быть формой аккомодации к возрасту (в частности, к старости), к болезни, к необходимому лечению. Направления исследований адаптивной коммуникации также варьируются, например, могут изучаться рутинные коммуникативные характеристики и практики пожилых людей с целью увеличения эффективности межпоколенческой коммуникации. Но к настоящему времени наиболее широко разработаны правила и стратегии адаптирующей коммуникации в области здравоохранения (healthcare communication): исследования медицинского дискурса с акцентом на изучении особенностей общения «доктор – пожилой пациент» (например, сформулированы правила взаимодействия с пожилыми людьми в целом, с пожилыми людьми, имеющими определенные когнитивные / функциональные заболевания); также областью активного интереса является коммуникация пожилых пациентов между собой; кроме того, детально проработаны специальные языковые практики, используемые в онкологии и паллиативной медицине для выстраивания благоприятных отношений, в том числе с

пожилыми пациентами и их родственниками, для улучшения результатов лечения).

В-третьих, язык является плодотворным инструментом исследования языковых способностей людей раннего и среднего возрастов с целью ранней диагностики степени вероятности развития возрастных нейродегенеративных заболеваний и их раннего упреждения.

В-четвертых, себя зарекомендовали специальные лингвистические методики, используемые для терапии различных форм подобных расстройств (например, методы освоения новых языков).

В-пятых, еще одной важной стороной исследования языка явилось раскрытие его социально-конструктивистской функции. Следствием массового постарения населения, увеличения средней продолжительности жизни и удлинения периода относительно здоровой старости является переформулирование представлений о заключительном этапе жизненного пути, трансформирование отношения к этому периоду жизни, к пожилым людям. Эти представления отражаются в языке, транслируются посредством него, поэтому использование потенциала и силы языка в связи с изменяющимися историческими реалиями, требующими существенных изменений в традиционных представлениях о старости и старении, играет крайне важную роль.

В целом для создания системы эффективного управления процессом старения необходимо применение всего имеющегося геронтологического знания, в том числе раскрывающего особенности лингвистической стороны процесса старения.

Акцентируя внимание на предмете нашего исследования, среди последствий массового постарения мы особо можем указать на то, что численность пожилого населения увеличивается, удлиняется средняя продолжительность жизни, повышается качество жизни в позднем возрасте, изменяется отношение к совместному проживанию с родителями, младшие поколения все реже заботятся о старшем поколении, в результате институционализированная жизнь для пожилых людей становится все более распространенной практикой. Не случайно первые исследования социального контекста связи языка и старения были предприняты именно в рамках институциональных учреждений: в начале 1990-х гг. появилась серия социолингвистических исследований, проведенных в домах престарелых. В этих работах был произведен анализ «elderspeak», а также дискурсивных конструкций старости, где дискурс явился способом раскрытия социальных проблем в сфере ухода за пожилыми людьми [9, 10]. Н. Каупланд, Д. Каупланд, С. Макони в своих работах показали интерактивность межпоколенческого общения с участием пожилых людей, ученые акцентировали внимание на том ранее не обсуждавшемся обстоятельстве, что пожилые люди могут не только приспосабливаться, но и сопротивляться языковым изменениям, инициировать их [11. Р. 58]. Так, стало развиваться наблюдение за социально-психологическим контекстом использования языка: в рамках прикладной лингвистики зародилась социолингвистика старения – одна из первых областей постоянного интереса к социально-психологической связи языка и старения, занимающаяся прояснением того, что есть социальное старение и как оно отражается в языке, как говорят представители разных возрастов, каковы особенности повседневного коммуникативного поведения пожилых людей, как язык используется ими в

разнообразных контекстах, каковы типичные дискурсивные практики позднего жизненного периода, какие потенциально важные закономерности существуют в межпоколенческой коммуникации.

В целом усилия первоначальных исследований в рамках социолингвистики старения были направлены на выявление универсальных закономерностей старения, опосредуемых языком. Позже появилось множество работ, проблематизирующих однозначность ранее полученных выводов: исследователи культур и языков Африки, Китая и Японии показывали, что полученные ими данные входят в диссонанс с уже ставшими традиционными объяснительными моделями социально-языковой стороны межпоколенческой коммуникации. Так, например, С. Макони и К. Грейнджер, следуя пионерским разработкам Н. Каупланда и его коллег, первыми начали проводить социальные исследования связи языка и процесса старения в культурных средах Африки, что привело их, с одной стороны, к осознанию одномерности многих более ранних выводов, полученных в рамках социолингвистики старения, изначально опиравшейся на европейско-американский культурный контекст и традицию, с другой стороны, к осознанию необходимости эволюции области анализа социально-языкового измерения старения, необходимости расширения его дисциплинарных границ и компетенции ради развития знания, рожденного в рамках прикладной лингвистики, но остро нуждающегося в трансформации для постижения сути своего предмета – природы процесса старения. Кроме того, содержание понятий старости и старения начало неизбежно переформулироваться вслед за трансформирующейся реальностью.

В научной терминологии появилось понятие «геронтолингвистика», которое в первом приближении, следуя его этимологии, описывает научную область, исследующую языковую сторону процесса старения. Одно из первых его употреблений принадлежит немецкому лингвисту Х.П. Лютьену, который в 1978 г. писал о необходимости создания области лингвистики, предназначенной для исследования языкового поведения пожилых людей [12. Р. 91; 13. Р. 84]. Также он предложил ввести понятие «этатолингвистика», имея в виду под ним исследование межпоколенческих вербальных взаимодействий [Ibid.]. Можно заключить, что этими терминами Х.П. Лютьен описывал лингвистическую область знания, предназначенную для поиска оптимальных условий языкового межпоколенческого взаимодействия с участием пожилых людей. По прошествии времени началось академическое становление этого поля исследований, которое продолжается и по настоящее время: до сих пор сосуществуют несколько интерпретаций этого термина, задающих как его различную дисциплинарную принадлежность, так и по-разному определяющих границы данной области знания, сферу ее компетенции – либо как области прикладной лингвистики, либо как междисциплинарной области знания.

Первая интерпретация допускает три толкования. Во-первых, геронтолингвистика может быть рассмотрена как трансформировавшаяся в своих пределах социолингвистика старения, с одной стороны, делающая акцент на исследовании социально-языковой стороны старения, а с другой – анализирующая преимущественно особенности институционального межпоколенческого дискурса с участием пожилых людей. Подобное понимание геронтолингвистики можно найти у П. Бакхауса, К. Грейнджер, С. Макони.

В 1997 г. в статье «Геронтолингвистика в Южной Африке» С. Макони заявил о необходимости конституирования геронтолингвистики, которую он описал как «работу в области языка и старения» [11. Р. 63]. В более поздней, совместной с К. Грейнджер статье «Сравнительная геронтолингвистика», посвященной анализу особенностей общения с пожилыми людьми, находящимися в условиях институционального ухода, авторы указали, что в центре исследования этой науки находятся такие темы, как лингвистический анализ выражения отношений власти между персоналом и резидентами домов престарелых; изучение роли лингвистической вежливости и эффективности концепции П. Браун и С. Левинсона в обеспечении, подтверждении, согласовании неравных властных отношений и особенностей общения с пожилыми людьми; выявление коммуникативных стратегий, эндемичных для институционального дискурса в общении с пожилыми людьми, а также контекстуализация этих стратегий в условиях различных культур; поиск стратегий, гармонизирующих институциональную коммуникацию в учреждениях по уходу за пожилыми людьми [14]. Этому же пониманию геронтолингвистики близок и П. Бакхаус, на взгляд которого, она включает в себя исследование языкового взаимодействия между персоналом и жителями домов престарелых с точки зрения трех тем: особенностей институциональной беседы, роли лингвистической вежливости и особенностей общения с пожилыми людьми [8].

В статье 2017 г. «От „языка пожилых людей“ к геронтолингвистике: социолингвистические мифы» С. Макони трактует геронтолингвистику как «внимательный социолингвистический анализ языка старения, как более искушенный взгляд на исследование языка старения, чем это может дать традиционная социолингвистика» [15. Р. 380].

Во-вторых, к геронтолингвистике, в ее более широкой трактовке, может быть отнесена часть прикладной лингвистики, посвященной изучению тем, относящихся к проблеме старения: во-первых, изучение лексики, описывающей феномены, связанные со старением, а также исследование особенностей концептуализации лексико-семантического поля «старость», во-вторых, исследование последствий влияния на язык глобального постарения населения, в-третьих, рассмотрение явления старения языков (эволюция языковых форм и норм, трансформация характера межпоколенческой коммуникации, снижение скорости языковых изменений), в-четвертых, анализ нарождающегося явления феминизации старости, в-пятых, изучение синтаксических особенностей письменной речи лиц позднего возраста, формирование корпуса письменных текстов лиц пожилого и старческого возрастов (Ш. Асахи, П. Бакхаус, И.С. Блинова, О.В. Бахмет, Ф. Иноуэ, Й. Йошиока, Ф. Кулмас, Т. Кэрролл, Н.Н. Лантюхова, С.А. Рузметов, М. Усами).

В-третьих, геронтолингвистика призвана заниматься языковыми проблемами пожилых людей с целью поддержания их здоровья. Эта позиция в последние годы становится крайне популярной. Так, Я. Сугатани пишет о том, что «это новая исследовательская область лингвистики, имеющая высокий потенциал применения в коммуникации по уходу за пожилыми людьми» [12. Р. 91]. В сферу ее интересов входят такие темы, как эйджизм, межпоколенческая коммуникация, межкультурная коммуникация, лингвистическое изучение тем гендера и сексуальности в их связи с феноменом старения, изучение особенностей коммуникации в сфере ухода, базовых стратегий речевой /

коммуникативной аккомодации, а также коммуникативной компетентности и речевых / коммуникативных расстройств в группе пожилых людей [12. Р. 92].

В целом, все три толкования схожи в том, что генетически и методологически геронтолингвистика является частью области языковых исследований, но с каждым годом эта дисциплинарная закреплённость становится все более условной, поскольку исследование старения требует всеохватывающей междисциплинарности. Как заметила японский исследователь Я. Сугатани, «проблема понимания широты границ компетенции геронтолингвистики зависит от понимания границ геронтологии» [Ibid.], поскольку, с одной стороны, эти области являются сообщающимися, а с другой стороны, растущее понимание взаимосвязи процесса старения и языка до сих пор позволяет делать все новые открытия.

Вторая интерпретация термина «геронтолингвистика» подразумевает междисциплинарное знание, находящееся на пересечении интересов геронтологии и лингвистики, направленное на изучение языкового старения пожилых людей и поддержание их языкового здоровья и благополучия. Подобный взгляд на геронтолингвистику может быть найден, например, в статьях таких ученых из Китая, как Ж. Йан, Г. Йин «Геронтолингвистика и ее перспективы в области здравоохранения в провинции Шаньдун» [13], Л. Хуанг и К. Жу «Прагматические исследования в геронтолингвистике: перспективы, методы и темы» [16].

Л. Хуанг и К. Жу пишут о том, что ядром геронтолингвистики является изучение закономерностей и факторов деградации прагматических коммуникативных характеристик пожилых людей как с нормальным, так и с патологическим старением. Но в перспективе предметные границы этой системы знаний должны расширяться.

В статье Ж. Йан и Г. Йин дается подробный обзор наличного состояния геронтолингвистического знания и причин его востребованности с точки актуальных демографических проблем Китая. Авторы пишут о том, что, столкнувшись с мощными вызовами современности, КНР начала проводить стремительное государственное планирование в сфере развития структуры здравоохранения.

В Китае с 1953 г. практикуется составление и неукоснительная реализация пятилетних планов социально-экономического развития. Последним был принят 13-й план национального развития (2017–2022 гг.), который преимущественно ориентирован не столько на экспансивное развитие экономики, сколько на внедрение инноваций и развитие 10 стратегических для достижения благоденствия Китая отраслей промышленности, включая здравоохранение. Самыми большими социальными проблемами для КНР были названы урбанизация и старение населения. Действительно, Китай является страной с самой большой численностью пожилого населения в мире: в 2000 г. число пожилых людей в возрасте старше 60 лет составляло 126 млн, в 2019 г. их численность составила 253 млн (18,1%), а к 2050 г., возможно, вырастет до 484 млн (34%) [13. Р. 81].

Дополнительное беспокойство у руководства КНР вызывает тот факт, что по сравнению с развитыми странами процесс быстрого старения в Поднебесной заметно опережает процесс экономического развития. И увеличение доли пожилого населения непомерно увеличит расходы всего общества

на пенсии, медицинское обслуживание, уход, социальное обеспечение. В связи с чем грядет изменение структуры рабочей силы, которое повлияет на стабильность и безопасность развития страны, ее промышленной и финансовой системы. В качестве попытки преодоления приближающегося демографического кризиса было принято два решения, определяющих ближайшее развитие Китая: формирование «серебряной экономики», ориентированной на внутренний спрос, где одной из важных переменных будет являться растущий уровень потребления товаров и услуг пожилыми людьми, и создание системы управления старением, которая продлит ожидаемую продолжительность здоровой жизни пожилого населения, повысив ее качество.

Начиная с 2017 г., когда генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул необходимость активизирования научных исследований старения, в КНР была развернута мощная государственная политика по реализации стратегии формирования здоровой нации, органично включившая в себя претворение в жизнь стратегии здорового и продуктивного старения населения [13. Р. 79]. С этого момента на уровне государства был принят ряд решений, способствовавших эффективному развитию индустрии здоровья, медицинской промышленности, здравоохранения и связанных с ними отраслей, поддерживающих высокий уровень здоровья и повышающих качество жизни стареющего населения.

В Китае геронтолингвистика находится на стадии зарождения, и активный интерес на первоначальном этапе проявляется к поиску и формированию комплексного знания, дающего понимание связи языка, процесса старения и здоровья, к знанию, дающему возможность продлить этап здорового и активного старения нации, опираясь на понимание языковых экспликаций старения. Хотя опора на социально-конструктивистский потенциал языка в деле управления старением нации также декларируется.

Геронтолингвистика становится междисциплинарной областью, объединяющей усилия многих наук, исследующих феномен старения. В Китае она возникает во многом следуя за политической волей и императивами современности, включая в себя все то знание, что имеет отношение к языку и старению, и может стать эффективным инструментом адаптации к стареющему обществу.

Еще в 1997 г. С. Макони писал о необходимости формирования геронтолингвистического знания, указывая на сложности, которые возникают на этом пути: междисциплинарность очень важна, но ее сложно добиться, поскольку для полноценного диалога представителей разных наук необходимо общее понимание ими основных феноменов [11. Р. 63]. Геронтолингвистика будет возможна, когда представители различных наук придут к единому пониманию ее основ, ведь взаимный интерес еще не является гарантией успешной интердискурсивности [17. Р. 480]. В Европе, Америке и Японии идеи геронтолингвистики артикулированы и исследуются уже несколько десятилетий, находясь в состоянии уточнения своих дисциплинарных границ, методов, основных тем и предмета, в КНР за последние несколько лет началось стремительное конституирование единого корпуса этой области знания, с акцентом на той его части, которая дает возможности управления процессом старения, продления его здорового периода. Китай одним из первых начинает формировать геронтолингвистику с целью осуществления основных импера-

тивов государственной политики, направленных на достижение процветания Поднебесной: преодоления разрушительной силы демографического вызова посредством реализации стратегии здоровой и продуктивной старости, одним из залогов которой объявляется языковое благополучие пожилых людей.

Литература

1. Пашина Л.А. Сложности формирования единого геронтологического знания // KANT. 2020. № 4 (34). С. 291–296.
2. Cavan R.S., Burgess E.W., Havighurst R.J., Goldhamer H. Personal adjustment in old age. Chicago (IL) : Science research associates, 1949.
3. Havighurst R. Successful Aging // Processes of Aging / ed. by R. Williams, C. Tibbitts, W. Donahue. New York : Atherton, 1963. P. 299–320.
4. Paltore E.E. Predictors of Successful Aging // The Gerontologist. 1979. Vol. 19, № 5. P. 427–431.
5. Rowe J.W., Kahn R.L. Human Aging: Usual and Successful // Science. 1987. Vol. 237, № 4811. P. 143–149.
6. Walker A. Why involve older people in research? // Age and ageing. 2007. Vol. 36, № 5. P. 481–483.
7. Kalachea A., Kickbusch I. A global strategy for healthy ageing // World Health. 1997. № 4. July–August. P. 4–5.
8. Backhaus P. Care, control, and communication: Linguistic interaction between staff and residents in a Japanese nursing home for the elderly. German Institute for Japanese Studies. Tokyo, 2006. 24 p.
9. Coupland N., Coupland J., Giles H. Language, society and the elderly. Oxford : Basil Blackwell, 1991. 220 p.
10. Coupland J., Coupland N., Giles H., Wiemann J. My life in your hands: Processes of self-disclosure in intergenerational talk // Styles of discourse / ed. by N. Coupland. London : Croom Helm, 1988. P. 201–253.
11. Makoni S.B. Gerontolinguistics in South Africa // International journal of applied linguistics. 1997. Vol. 7, № 1. P. 57–65.
12. Sugatani Y. Geronto-linguistics and care communication // 의료커뮤니케이션 (Medical Communication). 2008. Vol. 3, № 2. P. 91–101.
13. Yan Z., Yin G. Gerontolinguistics and Its Prospect in the Health Care Industry in Shandong // US-China Education Review. 2020. Vol. 10, № 2. P. 79–88.
14. Makoni S., Grainger K. Comparative Gerontolinguistics: characterizing discourses in caring institutions in South Africa and the United Kingdom // Journal of Social Issues. 2002. Vol. 58, № 4. P. 805–824.
15. Makoni S. B. From elderspeak to gerontolinguistics: sociolinguistics myths // The Oxford Handbook of Language and Society / ed. by O. García, N. Flores, M. Spotti. Oxford University Press, 2017. P. 369–380.
16. Huang L., Zhu Q. Pragmatic Studies in Geronto-linguistics: Perspectives, Methods and Topics // Journal of East China Normal University. Philosoph, 2019. Vol. 51, № 6. P. 129–137.
17. Grainger K. Communication and the institutionalized elderly // Handbook of communication and aging research / ed. by J.F. Nussbaum, J. Coupland. Lawrence Erlbaum Associates, 2000. P. 479–497.

Lyudmila A. Pashina, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: lapash@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 101–111.

DOI: 10.17223/1998863X/59/10

THE CONSTITUTION OF GERONTOLINGUISTICS PARADIGM AND ITS CONTEMPORARY PROSPECTS

Keywords: gerontolinguistics; aging; gerontology; language aging; language health of the elderly; well-being of the elderly's linguistic life.

The article considers the formation of scientific interest in the study of language mediation of the phenomenon of aging. The reasons for the demand for gerontolinguistic knowledge are analyzed, and the arguments justifying its relevance are given. A brief excursion into the history of scientific research on aging is made, but the focus is on its linguistic aspects. The natural sciences were the first to study the aging process, which formed the biomedical paradigm of its consideration. Later, gerontology was constituted as an attempt to form a broader view and a deeper understanding of the ontology of aging. As a result, new areas of research on this phenomenon have emerged: social, psychological, economic, political, and cultural perspectives. The formation of a systematic interest in the language side of aging occurred later than others, but the emergence of gerontolinguistics brought awareness of its high heuristic and practical potential both in understanding the ontology of aging and in applying the knowledge gained to implement the strategy of active and healthy aging. The article considers the main vectors of research on the relationship between language and the aging process, and presents the existing interpretations of the term "gerontolinguistics". It is shown that gerontolinguistics is becoming an interdisciplinary field that accumulates the efforts of the entire body of gerontological knowledge aimed both at maintaining the language health of the aging population and at implementing the strategy of active and healthy aging in the transition to a hyper-age society.

References

1. Pashina, L.A. (2020) The complexities of formation of coherent gerontological knowledge. *KANT*. 34(4). pp. 291–296. (In Russian).
2. Cavan, R.S., Burgess, E.W., Havighurst, R.J. & Goldhamer, H. (1949) *Personal Adjustment in Old Age*. Chicago, IL: Science research associates.
3. Havighurst, R. (1963) Successful Aging. In: Williams, R., Tibbitts, C. & Donahue, W. (eds) *Processes of Aging*. New York: Atherton. pp. 299–320.
4. Palmore, E.E. (1979) Predictors of Successful Aging. *The Gerontologist*. 19(5). pp. 427–431.
5. Rowe, J.W. & Kahn, R.L. (1987) Human Aging: Usual and Successful. *Science*. 237(4811). pp. 143–149. DOI: 10.1126/science.3299702
6. Walker, A. (2007) Why involve older people in research? *Age and Ageing*. 36(5). pp. 481–483. DOI: 10.1093/ageing/afm100
7. Kalachea, A. & Kickbusch, I. (1997) A global strategy for healthy ageing. *World Health*. 4. July-August. pp. 4–5.
8. Backhaus, P. (2006) *Care, control, and communication: Linguistic interaction between staff and residents in a Japanese nursing home for the elderly*. Tokyo: German Institute for Japanese Studies.
9. Coupland, J., Coupland, N., Giles, H. & Wiemann, J. (1988) My life in your hands: Processes of self-disclosure in intergenerational talk. In: Coupland, N. (ed.) *Styles of Discourse*. London: Croom Helm. pp. 201–253.
10. Coupland, N., Coupland, J. & Giles, H. (1991) *Language, Society and the Elderly*. Oxford: Basil Blackwell.
11. Makoni, S.B. (1997) Gerontolinguistics in South Africa. *International Journal of Applied Linguistics*. 7(1). pp. 57–65. DOI: 10.1111/j.1473-4192.1997.tb00104.x
12. Sugatani, Y. (2008) Geronto-linguistics and care communication. *의료커뮤니케이션 (Medical Communication)*. 3(2). pp. 91–101.
13. Yan, Z. & Yin, G. (2020) Gerontolinguistics and Its Prospect in the Health Care Industry in Shandong. *US-China Education Review*. 10(2). pp. 79–88. DOI: 10.17265/2161-6248/2020.02.003
14. Makoni, S. & Grainger, K. (2002) Comparative Gerontolinguistics: characterizing discourses in caring institutions in South Africa and the United Kingdom. *Journal of Social Issues*. 58(4). pp. 805–824. DOI: 10.1111/1540-4560.00291
15. Makoni, S.B. (2017) From elderspeak to gerontolinguistics: sociolinguistics myths. In: Garcia, O., Flores, N. & Spotti, M. (eds) *The Oxford Handbook of Language and Society*. Oxford University Press. pp. 369–380.
16. Huang, L. & Zhu, Q. (2019) Pragmatic Studies in Geronto-linguistics: Perspectives, Methods and Topics. *Journal of East China Normal University. Philosoph.* 51(6). pp. 129–137. DOI: 10.16382/j.cnki.1000-5579.2019.06.014
17. Grainger, K. (2000) Communication and the institutionalized elderly. In: Nussbaum, J.F. & Coupland, J. (eds) *Handbook of Communication and Aging Research*. Lawrence Erlbaum Associates. pp. 479–497.